

ТЕКСТ И ТЕКСТЫ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЗНАКОВОГО КОДА

У статті розглянуто функціонування знакового коду, що забезпечує інтертекстуальні зв'язки, а також розширено поняття інтертекстуального поля, яке у своїй конотативній масштабності і категоріальному обсязі досягає інтерпретаційної вичерпності в межах історико-культурного досвіду людства, який проявляється в тому чи іншому акті письма.

Ключові слова: текст, знаковий код, інтертекстуальність, письмо.

После того, как в 1967 году Ю. Кристевой был введен термин «интертекстуальность», породивший множество дискуссий по поводу своей понятийной широты, научные споры, касающиеся его употребления в качестве литературоведческой категории, не прекращаются и на сегодняшний день, и проблема интертекстуальности остается по-прежнему актуальной, привлекая широкий круг исследователей.

В науке о литературе на современном этапе все более отчетливо намечается тенденция к рассмотрению интертекстуальности не только с точки зрения методологического подхода к анализу и интерпретации литературного произведения, но и как культурной, текстуально воплощенной традиции, понимание которой обеспечит адекватное восприятие общей картины мироздания. «В конечном счете эта идея свелась к тому, что буквально все стало рассматриваться как текст: литература, культура, общество, история и, наконец, сам человек. Положение, что история и общество могут быть прочитаны как текст, привело к восприятию человеческой культуры как единого интертекста» [8, 225], – пишет И. П. Ильин.

Как известно, предложенная Ю. Кристевой интертекстуальная теория была переосмыслением работы М. М. Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924), в которой ученый ввел понятие диалога как ориентации писателя на предшествующий и современный историко-литературный процесс. «Та или иная возможная или фактически наличная творческая точка зрения становится убедительно нужной и

необходимой лишь в соотнесении с другими творческими точками зрения <...>» [4, 282], – утверждает М. М. Бахтин. Восприятие Ю. Кристевой концепции полифонического диалога носит чисто формалистский характер: бахтинское понятие интерсубъектности сужается до текстового пространства и собственно интертекстуальных связей. «... Работы формалистов привнесли <...> подход, стремящийся к теоретичности» [12, 458-459], – пишет исследовательница о русском формализме.

В аналогичной манере действует Ж. Женетт, предлагая в работе «Палимпсесты: литература во второй степени» (1982) свою классификацию интертекстуальных связей – «на первый взгляд внушительную, но трудно реализуемую на практике анализа структуру» [7, 220], как характеризует ее И. П. Ильин. Пятичленная модель выглядит следующим образом: 1) соприсутствие как минимум двух текстов в пределах одного; 2) паратекстуальность (отношение текста к обрамляющим его заголовкам); 3) метатекстуальность (содержание критического подтекста); 4) гипертекстуальность (ситуация межтекстового пародирования); 5) архитектстуальность (жанровая взаимосвязь текстов). На наш взгляд, практическая нереализуемость представленного подхода связана с тем фактом, что последние четыре позиции являются модификациями первой, предполагающей выявление в текстовом пространстве цитат, аллюзий и проч. маркеров, которые отсылают к другим текстам. Эти маркеры Р. Барт в текстовом анализе одной новеллы Эдгара По» (1973) называет знаковым кодом, посредством которого обнаруживаются интертекстуальные связи.

Иное понимание интертекстуальности предлагают немецкие ученые У. Бройх, М. Пфистер и Б. Шульте-Мидделих в сборнике «Интертекстуальность: формы и функции» (1985), рассматривая это понятие как литературный прием, когда писатель сознательно обращается к историко-литературному контексту. Выделяя формы интертекстуальности (цитирование, плагиат, аллюзия, эпиграф, заимствование, переработка и т.д.), они предпринимают попытку определить их функциональное значение, которое фактически приравнивалось к особому риторическому конструкту.

Таким образом, к настоящему времени окончательно оформились два основных понимания интертекстуальности: 1) как собственно лингвистического явления, осуществляющегося только в пределах текстового пространства; 2) как историко-культурной связи

между конкретными опытами человеческой деятельности. Последний взгляд требует уже иного, более расширенного взгляда на категорию текста. В постструктуралистской транслингвистике текст мыслится как «семантическая среда, в которой отсутствуют смысловой центр, грамматика, синтаксис и коммуникативное задание; это нетелеологическое, многомерное, поливалентное, нелинейное и незавершенное пространство» [10, 188].

Текст – это семиотическая среда, в которой осуществляются определенные отношения между знаками, создающие эту среду, но в то же время в ней отсутствует всякая установка на общение, что никак не препятствует ее изучению с позиций общей семиотики. В текстовом пространстве знак получает возможность для принципиально иного способа функционирования: если изолированно он может быть осмыслен семантически или прагматически, т.е. «грамматически» фиксированно, то при его взаимодействии с другими знаками перед нами открывается многообразие синтаксических связей, которые выявляются в процессе межзнакового взаимодействия, что определяет множественный характер текста и его объективность как сохранение этой множественности.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к заключению, что литературное произведение представляет собой одномерное (монолинейное) прочтение текста. В ходе изучения отношений между знаками семантический аспект уходит на второй план, поскольку становятся актуальными новые смыслы, возникающие в синтаксическом сочетании, которые уже не присущи знаку в виде семантической константы. Поэтому совершенно справедливо Ж. Деррида называет лингвистику «наукой об обозначении» [6, 137]: она не имеет полномочий там, где исчезает однозначность и происходит семантическая диффузия.

Попытка постижения грамматикой ситуации письма (так мы справедливо можем именовать процесс взаимоотношения знаков, в ходе которого обнаруживаются следы различий, а сферу, где имеет место данный процесс, следует называть текстом) приводит к тому, что в центре изучения находится сама среда, обеспечивающая протекание знаковых взаимодействий. Ошибочность такого подхода состоит в том, что одно из множества прочтений закрепляется в языке в качестве некоего шаблона понимания и тем самым препятствует адекватному восприятию содержания, поскольку текст как знаковое

поле объективен лишь во всей полноте своей множественности, а значит может быть объективно осмыслен в присущей ему многомерности.

Лингвистической наукой игнорируется знак не только как эстетическое, социальное и культурное явление, но и даже как семиотический институт, ввиду чего знак перестает существовать как метафизическая инстанция, а текст ошибочно рассматривается как элементарный уровень семиотического анализа. Множественность текста, сведенная лингвистикой к полисемии, не появляется сама собой и не дается в каком-то готовом виде, она – результат синтагматико-парадигматических знаковых связей, изученных в трех основных аспектах – синтаксическом, семантическом и прагматическом. Следовательно, текст – это сфера, возникшая в результате исследования в указанных направлениях межзнаковых отношений, и присущий тексту многолинейный характер обусловлен, во-первых, развитой сетью синтаксической сочетаемости, и, во-вторых, почти неограниченной свободой в области интерпретации.

Заложенное в знаке свойство вступать во взаимодействие с другими знаками предоставляет возможность для формирования текста как семиотического целого. Лингвистика понимает текст исключительно как семантическое образование, а потому она не способна адекватно обосновать множественность текста, заблуждаясь, делая это через явление полисемии и тем самым смешивая данные понятия. Разумеется, при таком решении ни один текст не может быть объективно воспринят.

Произведение функционирует как особый знак с отсроченным означаемым. Входящие в состав языковой формы компоненты становятся практически неразличимы ввиду взятой установки на поиск этого означаемого. Такие поиски литературоведение называет выявлением поднятых в произведении проблем (философских, политических, социальных и проч.), при этом наука непременно обращается к инстанции Автора, наделяя его онтологическими качествами и делая тем самым его отличным от биографического автора. «Призрак Автора может, конечно, “явиться” в Тексте, <...> но уже на правах гостя; <...> он не получает здесь более никаких родительских, алетических преимуществ, а одну лишь игровую роль <...>» [2, 420], – делает вывод Р. Барт. Действительно, произведение вторично и является чем-то производным от текста; «появление» автора возможно только в тексте, где осуществляется знаковая игра;

автор не становится частью произведения, он является компонентом формы; он – это составляющая игрового начала.

Литературное произведение представляет собой особое пространство, которое не может быть сведено к его языковым единицам, однако по своей природе является знаковым, т.е. построенным на основе межзнаковых отношений. Это взаимодействие знаков друг с другом является актуальным для нас, когда мы, воспринимая текст, «видим» произведение как результат монолинейного прочтения текста.

Смыслы и выражающие их контаминации знаков, маркирующие то, что мы называем литературным произведением, образуют единственно возможный контекст — художественный или поэтический, – который может иметь текст, если его рассматривать как сообщение, игнорируя его множественность. Любой знак «может цитироваться, заключаться в кавычки; тем самым он может порвать с любым данным контекстом, породить бесконечное множество новых контекстов, которые никогда не будут насыщены» [5, 363], – и в этом свойстве знака заключен первый – простейший – уровень интертекстуальности: способность текста создавать внутри себя «побочные», имманентные самому себе тексты как результаты его различных прочтений (одним из таких прочтений является «литературное произведение»).

Если понимать текст как языковой плагиат, как «цитаты без кавычек» (Р. Барт: «текст образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат...» [2, 418]), то ненасыщенность контекста становится вполне очевидной: поскольку в результате метонимического взаимодействия элементов знакового поля происходит бесконечная выработка означаемого – производство трансцендентального означаемого, – то закрепленная посредством соглашения или договоренности (например, тема семинара, конференции и т.д.) лингвистическая интенция расширяет или сужает свои пределы по отношению к изначально заявленной установке.

Что касается текста и многообразия смыслопорождающего потенциала его означаемых, взаимодействующих между собой, то его единственным абсолютно насыщенным контекстом как заранее обозначенным условием является художественная инаковость, определяемая в перспективе эстетического восприятия. Без такой установки текст – это лишь пространство, где осуществляются межзнаковые отношения, лишенная коммуникативного задания

лингвистическая система «без цели и без центра» [2, 417] и не имеющее грамматики «поле методологических операций (*un champ méthodologique*)» [2, 415], каким он мыслится в постструктуралистской транслингвистике.

Когда мы ведем речь о диапазоне интертекстуальности, то возникающие вопросы касаются не терминологического наполнения самого понятия, а расширения пределов текста. Как уже отмечалось, за текстом больше не сохраняется статус коммуникативного образования, он лишен грамматики и завершенности, а потому является лишь иллюстрацией межзнаковых отношений. Эта открытость текстового пространства и утверждение языкового плагиата способствуют не только исчезновению самого понятия текста, которое заменено интертекстом, но и более широкому толкованию того, что может быть понято как интертекстуальное поле.

Так, анализируя новеллу Э. По, Р. Барт, предварительно разделив ее текст на лексии, выявляет в них те или иные коды, отсылающие нас к историко-культурному опыту человечества. Таким образом, ученый не обнаруживает именно текстуальных связей, как это предполагалось в концепциях Ю. Кристевой и Ж. Женетта, а ведет речь о культурной памяти, запечатленной в тех или иных актах письма. Таким образом, у Р. Барта формируется новая категория, которую можно обозначить как трансинтертекстуальность.

Практика подобного анализа текста встретила негативную критику со стороны формалистски настроенных структуралистов, полагавших, что изучение интертекстуальных связей должно осуществляться строго в рамках текстового пространства. Однако, на наш взгляд, методологическая позиция Р. Барта в отношении анализа текста является вполне логически обоснованным жестом, если учесть тогдашнее направление постструктуралистской мысли: весь мир, в том числе сам человек и его сознание, понимались текстуально.

Следовательно, формализм Ю. Кристевой в прочтении работ М. М. Бахтина и ее структуралистская интерпретация полифонического диалога не могут быть приняты в качестве прасновы интертекстуальной теории. «Бахтин <...> предложил такую модель, в которой литературная структура не наличествует, но вырабатывается по отношению к другой структуре» [11, 428], – заключает Ю. Кристева.

Поэтому сегодня исследователю необходимо быть предельно внимательным и крайне осторожным, называя М. М. Бахтина в качестве заложившего основу структуралистского мышления. Следует помнить о принципиальных различиях интересубъектной и интертекстуальной позиции. «Если для М.М. Бахтина воплощением “неумолчного и безысходного спора” служит полифонический роман, где автор одновременно выступает не только как “организатор”, но и, главное, как равноправный “участник” диалога <...>, то для Кристевой образом и образцом интертекстового романа оказывается такое произведение, где автор заведомо выступает в специфической роли скриптора <...>» [9, 17], – отмечает Г.К. Косиков.

Интертекстуальность предстает как необходимость трех «смертей» – «смерти» автора, которую провозгласит Р. Барт в одноименной статье, «смерти» текста, который заменен интертекстуальным полем, и «смерти» читателя (с чем, возможно, поспорил бы Р. Барт, утверждающий, что «рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора» [1, 391]), которая имеет место ввиду неустойчивости читательского сознания, и указание на эту неустойчивость обнаруживается в словах самого Р. Барта: «Читатель – это то пространство, где запечатлеваются все до единой цитаты, из которых слагается письмо» [1, 390]. В этой роли читатель не претендует на сколько-нибудь компетентный статус в учреждении объективности обнаруживаемых коннотативных смыслов. Его сознание – это среда, где знаковые коды, заменившие бахтинского субъекта-участника диалога, соприсутствуют в соответствии с интенцией их выявления в интертекстуальном поле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Смерть автора / Р. Барт // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 384 – 391.
2. Барт Р. От произведения к тексту / Р. Барт // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 413 – 423.
3. Барт Р. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По / Р. Барт // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 424 – 461.
4. Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Собр. соч. в 7 т. – Т. 1. – С. 266 – 325.
5. Деррида Ж. Différance / Ж. Деррида // Гурко Е. Тексты деконструкции. – Томск: Водолей, 1999. – С. 124 – 158.
6. Деррида Ж. О грамматологии / Ж. Деррида. – М.: Ad Marginem, 2000. – 512 с.

7. Ильин И. П. Интертекстуальность / И. П. Ильин // Современное зарубежное литературоведение. – М.: Интрада, 1996. – С. 215 – 221.

8. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. – М.: Интрада, 1996. – 255 с.

9. Косиков Г. К. Текст / Интертекст / Интертекстология / Г. К. Косиков // Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. – М.: ЛКИ, 2008. – С. 8 – 42.

10. Косиков Г. К. Текст / Г. К. Косиков // Современная западная философия. Энциклопедический словарь / Под ред. О. Хеффе, В. С. Малахова, В. П. Филатова. – М.: Культурная революция, 2009. – С. 188.

11. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М.: Прогресс, 2000. – С. 427 – 457.

12. Кристева Ю. Разрушение поэтики / Ю. Кристева // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М.: Прогресс, 2000. – С. 458 – 483.

АННОТАЦИЯ

Стамати Вилли. Текст и тексты: функционирование знакового кода.

В статье рассматривается функционирование знакового кода, обеспечивающего интертекстуальные связи, а также расширяется понятие интертекстуального поля, которое в своей коннотативной масштабности и категориальном объеме достигает интерпретационного предела в рамках историко-культурного опыта человечества, проявляющегося в том или ином акте письма.

Ключевые слова: текст, знаковый код, интертекстуальность, письмо.

SUMMARY

Stamati Willi. Text and texts: functioning of sign code.

In the article functioning of sign code which provides intertextual relations is considered and the notion of intertextual field which in its connotative scale and categorial volume reaches the interpreting limit in the framework of historical and cultural experience is increased. That experience becomes apparent in one or another act of the writing.

Key words: text, sign code, intertextuality, the writing.